

Глава 7. Свидание в саду

Голос Гу Чжао, слегка дрожащий, но удивительно громкий, эхом разнёсся по тихому императорскому саду, спугнув птиц.

Жун Цунцзинь поднял на него глаза. В лучах солнца, пробивающихся сквозь листву, Гу Чжао, казалось, был окутан золотистым сиянием. В его тёмных, как звёздная ночь, глазах горел удивительный огонёк, словно пламя подо льдом, упрямое и живое. Его спина была прямее обычного, как у стройной, несгибаемой сосны, которую не могли согнуть даже самые сильные снегопады.

Сердце Жун Цунцзиня дрогнуло. Ветерок, донёсший до него сладкий аромат цветов, коснулся его волос.

— Ваше Высочество знает, что я обручён с молодым господином Юй, и вас это не смущает? — с лёгкой улыбкой на губах тихо спросил он.

Гу Чжао кивнул и, схватив его за руку, твёрдо сказал:

— Не смущает.

— А вы знаете, — продолжал Жун Цунцзинь, — что, женившись на мне, вы дадите повод для насмешек? Многие будут говорить, что принц подбирает то, от чего отказалась семья Юй.

Гу Чжао растерянно покачал головой. Кажется, наследный принц что-то такое упоминал, но, увидев Жун Цунцзиня, он обо всём забыл, кроме безмерной радости.

Жун Цунцзинь улыбнулся. Он встал, и его длинные белые пальцы нежно отряхнули с волос Гу Чжао прилипший сухой листик. Глядя в его искреннее, юное лицо, он тихо сказал:

— Не торопитесь. Ваше Высочество может вернуться и всё хорошенько обдумать.

Гу Чжао отличался от других. Возможно, многие считали его безумцем, но ему просто нужно было немного больше времени, чтобы всё осознать.

— Я слишком долго нахожусь во дворце, мне пора возвращаться, — сказал Жун Цунцзинь. Би Тао, вероятно, всё ещё ждала его во дворце Чанчунь. Хотя она не сразу поняла бы, в чём дело, но со временем её бы охватило беспокойство. Если станет известно, что он тайно встречался с Гу Чжао в саду, это может повредить репутации принца.

Время ещё есть. Раз уж императрица и наследный принц не против, торопиться некуда.

Жун Цунцзинь всё для себя решил. С нежностью взглянув на Гу Чжао, он повернулся, чтобы уйти.

Гу Чжао в панике схватил его за руку.

— Мне всё равно, что скажут другие! Мне нужен только ты! — горячо и упрямо произнёс он.

Жун Цунцзинь на мгновение замер. Эти слова тронули его до глубины души. Всё прекрасное и ценное, что было в его жизни, он получил от Гу Чжао. Кто бы мог подумать, что он, холодный и расчётливый, когда-нибудь познает истинную любовь?

Гу Чжао, возможно, был наивен и во многом полагался на инстинкты, но именно он пробудил в нём сердце, научил чувствовать холод и тепло, печаль и радость. Без него он был бы лишь красивой, но пустой оболочкой.

Он рос в роскоши, окружённый любовью семьи, но по натуре был человеком отстранённым. В смутные времена, когда власть наследного принца была под угрозой, род Динъюань мог быть уничтожен в любой момент. Он знал, что его семья в опасности, что жизнь его родных висит на волоске, но никогда не думал о том, чтобы посвятить себя спасению рода. Он просто плыл по течению, проживая день за днём среди пиров и веселья.

Для него встречи и расставания были обычным делом, не стоящим особых переживаний. Брак с шестым принцем был для него лишь способом отплатить родителям за их любовь и заботу. Но Гу Чжао подарил ему такую чистую и тёплую любовь, что растопил лёд в его сердце.

Теперь он должен был встать и смести все преграды, чтобы защитить этот нежный цветок, пробившийся сквозь руины.

— Так ты согласен или нет? — Гу Чжао, не поняв его мыслей, с нетерпением теребил его.

Говорить намёками, оставляя собеседнику простор для толкований, чтобы никого не обидеть и оставить себе пути к отступлению — так поступало большинство. Жун Цунцзинь и сам был таким. Он думал, что выразился достаточно ясно, почти признавшись в своих чувствах.

Но, видя нетерпение Гу Чжао, он не мог его мучить. Слегка поджав губы, он ответил прямо, без обиняков:

— Когда Ваше Высочество получит согласие императрицы и наследного принца, пришлите в поместье маркиза Динъюань сватов.

— Женитесь на мне по всем правилам, с тремя письмами и шестью ритуалами, и с почётом введите в свой дом.

— С этого дня мы будем мужем и женой, разделим и жизнь, и смерть. И я никогда тебя не предаю.

Гу Чжао всё понял в одно мгновение. Он был счастлив, как поросёнок Пятачок. Он не ожидал, что всё окажется так просто, без лишних трудностей. Он думал, что Жун Цунцзинь ни за что не согласится, и ему придётся умолять его снова и снова, и что на это уйдёт не меньше полугода.

Но у него и в мыслях не было, что «легко доставшееся не ценится». Он с восхищением обошёл вокруг Жун Цунцзиня, словно разглядывая редкое сокровище, а затем робко потянулся к его руке.

— Цунцзинь...

Он коснулся его прохладных, изящных пальцев.

Послеполуденное солнце сияло, цвели камелии, а цветы калины были белы, как облака. Мягкий золотистый свет окутывал их. Они стояли друг против друга, словно пара неразлучных нефритов, и сладость, невидимым шёлком, обвивала их. Время, казалось, утонуло в медовом сиропе, став вязким и тягучим. Шум крыльев птиц и шелест ветра — всё исчезло. В целом мире остались только они двое.

— Ваше Высочество женится на мне? — тихо спросил Жун Цунцзинь.

— Конечно! — тут же заверил Гу Чжао.

— Тогда Ваше Высочество может меня поцеловать, — прошептал Жун Цунцзинь, опустив глаза. Его длинные ресницы, похожие на два веера из вороньих перьев, легко дрогнули, словно крылья бабочки.

— Ох... — глуповато промычал Гу Чжао и наклонился. Красота Жун Цунцзиня была ослепительной. Золотая искорка запуталась в его густых ресницах, а в глазах, похожих на цветы персика, таилась завораживающая прелесть. Он был словно одинокий цветок красной сливы среди белоснежных снегов, гордый и прекрасный.

Чем ближе он наклонялся, тем отчётливее ощущал лёгкий аромат сливы, исходивший от Жун Цунцзиня. Этот аромат был едва уловим, но пьянил, словно холодный свет луны. Его безупречная, как снег, кожа была так близко.

— А-а-а!! О-о-о-о-о!!! — Гу Чжао резко отвернулся, и его губы лишь на мгновение коснулись щеки Жун Цунцзиня, словно лепесток персика, упавший на гладь озера. От волнения его лицо стало багровым, а ранка на подбородке, уже успевшая затянуться, снова открылась, и из неё выступила капелька крови.

Гу Чжао больше не мог сдерживать своего восторга. Он издал серию радостных воплей и, размахивая руками, как Тарзан, умчался прочь, время от времени вскидывая руки в знак победы.

Жун Цунцзинь, закрыв глаза, с нетерпением ждал поцелуя, даже подготовившись к тому, что Гу Чжао поцелует его в губы. Но вместо этого он почувствовал лишь мимолётное, как утренняя роса, прикосновение к щеке и услышал громкие радостные крики, уносимые ветром.

— Эх...

Когда он открыл глаза, то увидел лишь удаляющуюся спину Гу Чжао, который, словно ветер, нёсся по саду и в мгновение ока превратился в маленькую чёрную точку.

Жун Цунцзинь: «...»

Ему было и смешно, и досадно. В конце концов, он не удержался и тихо рассмеялся, и в его глазах заплясали искорки радости.

Золотистые лучи солнца нежно опускались на землю. Ручей на востоке нёс на своих волнах лепестки персика.

Жун Цунцзинь обернулся и с тоской посмотрел на дворцовые чертоги.

— Молодой господин, вы так долго отсутствовали, я так волновалась, — вырвалось у Би Тао, когда они покинули дворец. Её напряжённые плечи немного расслабились. — Императрица не наказывала вас? — тихо спросила она.

— Почему вы переоделись? — добавила она, быстро оглядевшись.

Жун Цунцзинь что-то пробормотал в ответ. После того как Гу Чжао признался в своих чувствах, он так засмутился, что, закрыв лицо руками, умчался прочь, как заяц.

Он не знал дворца и не мог его догнать. К тому же, бегать за принцем по саду — не самое достойное занятие. Ему оставалось лишь смотреть вслед своему чудаковатому возлюбленному.

Пока он размышлял, где бы найти чистую одежду, чтобы сменить испачканный халат, бесшумно появилась Хань Гуан. Увидев его в грязи, она и бровью не повела. Поклонившись, она проводила его в боковой зал дворца Чанцю и вскоре принесла ему чистую одежду.

После того как он переоделся и поправил причёску, никто бы и не заметил, что с ним что-то случилось.

Лишь Би Тао, которая входила во дворец вместе с ним, могла заметить неладное.

Жун Цунцзинь кое-как объяснил ей ситуацию, и они, сев в экипаж, отправились домой.

Вернувшись во двор Хэнчжи, он ещё издали услышал голос Фу Тун:

— Вечно ленишься, то бабочек ловишь, то сплетничаешь. Такое простое дело, как убрать чайный столик, и то сделать не можешь. Что за гордыня!

— Хм, нечего тебе тут делать. Иди к главному управляющему и проси, чтобы он нашёл тебе другую работу.

— Что вы опять не поделили? — Би Тао, подобрав юбки, вбежала в комнату.

Фу Тун сидела за круглым столом в западной комнате, обиженно отвернувшись и не желая смотреть на служанку, которую она только что отчитывала. Другая служанка, рангом пониже, не смела вмешиваться и растерянно стояла между ними.

Хоть и ругалась Фу Тун, но, казалось, сама расстроилась больше всех.

Би Тао строго взглянула на них.

— Ладно, можете идти.

Четыре служанки второго ранга, которым было позволено входить в покои господина, поклонились и вышли, кроме той, с которой спорила Фу Тун.

Она стояла в центре зала, и её вид вызывал сочувствие. Хрупкая, с кожей белой, как снег, с бровями, изогнутыми, как молодой месяц, и глазами, полными осенней грусти. Слеза, готовая вот-вот сорваться с её длинных ресниц, придавала ей ещё больше трогательности. Она была похожа не на служанку, а скорее на девушку из знатной семьи.

Би Тао не смогла быть с ней строгой. Взглянув на служанок в зале, она вздохнула.

— Си Чжи, ты тоже иди.

— Да, — Си Чжи, с покрасневшими глазами, кивнула и, поклонившись Жун Цунцзиню, выбежала из комнаты.

Жун Цунцзинь молча наблюдал за происходящим, позволяя Би Тао самой во всём разобраться.

— Ну хватит, не порть себе здоровье, — мягко успокоила Би Тао Фу Тун и, когда та немного успокоилась, вздохнула. — Почему ты всё время ссоришься с Си Чжи?

— Не я виновата! — с обидой ответила Фу Тун. — Вечно она находит отговорки. То у неё одно, то другое. Попросишь что-нибудь сделать, так она то погода плохая и вставать не хочется, то вчера простудилась и боится заразить господина.

— Господин у нас добрый, всегда ей потакает, вот она и распоясалась. Сегодня, когда господина не было, я трижды просила её выйти. Она убрала половину чайного столика и разбила прекрасный нефритовый кувшин из печей Цзюнь. А ведь это подарок из Малого Болюя.

Хоть кувшин и был из печей Цзюнь, но его форма была изящной, словно из льда, и ветка сливы, поставленная в него, выглядела особенно прекрасно.

— Да что там слуги, даже сыновья маркизов и герцогов не такие неженки, как она, — сжав кулаки, сказала Фу Тун, словно вспомнив что-то особенно неприятное. — Эти господа, по крайней мере, не скандалят. А наш двор, в конце концов, может позволить себе содержать одну служанку.

— На днях она снова сослалась на болезнь. Я пошла её проведать и увидела, что она вышивает вот это, — Фу Тун достала из рукава мешочек и бросила его на стол.

Жун Цунцзинь присмотрелся. Это был лунно-белый мешочек с вышитым на нём узором из зелёного бамбука.

— Всего лишь мешочек, что в нём такого, — усмехнулась Би Тао, повертев его в руках.

— Посмотри сюда! — Фу Тун выхватила у неё мешочек и, повернув его к свету, указала на ткань у завязок.

— А? — Би Тао протёрла глаза и, присмотревшись, увидела вышитую серебряной нитью строчку, тонкую, как волосок. Она с трудом прочитала: — «Нежность, как вода, встреча, как сон, как вернуться по мосту сорок...»

В уголке был вышит маленький иероглиф «И».

Этот мешочек был лунно-белого цвета, и вышивка была сделана серебряной нитью. Иероглифы были не крупнее просяного зёрнышка, и если не присматриваться на свету, их было невозможно заметить.

«И»? Би Тао на мгновение задумалась и тут же поняла, в ужасе отшатнувшись. Жун Цунцзинь, услышав стихи, уже догадался, в чём дело, и лишь горько усмехнулся. Он только что обрёл

свое счастье, сидя в грязи со своим возлюбленным, а его служанка уже вышивает мешочки для своего избранника.

Фу Тун продолжала возмущаться:

— Хорошо ещё, что Си Чжи почти не выходит со двора и влюбилась в нашего старшего молодого господина. А если бы она увлеклась кем-нибудь извне? Бросила бы такой мешочек, и все бы подумали, что у нас в доме дурное воспитание. Как бы наш господин потом людям в глаза смотрел?

Дело с семьёй Юй ещё не улажено, а тут новая беда. Семья Юй непременно воспользовалась бы этим, чтобы унижить род Динъюань.

— Услышь тебя брат, не видать тебе больше ни сухофруктов, ни цукатов, — Жун Цунцзинь с укором щёлкнул её по лбу. Как будто его брат был какой-то дешёвкой.

— Как господин прикажет поступить? — спросила Би Тао.

— Брат бывает дома раз-два в месяц по делам. Скорее всего, это безответная любовь со стороны Си Чжи. Не стоит поднимать шум на весь двор и позорить её, — Жун Цунцзинь сел и, наливая чай, слегка поморщился от боли в плече. — Фу Тун, вычти у неё половину месячного жалованья и объясни ей всё с глазу на глаз.

Си Чжи не была из домашних слуг. Когда они переехали в столицу, его мать, увидев, что у всех знатных детей по два старших и четыре младших слуги, а у него только Би Тао и Фу Тун, взяла из поместья двух надёжных девушек и купила ещё двух, среди которых была и Си Чжи.

Си Чжи была дочерью чиновника. После смерти деда её отец пристрастился к азартным играм и однажды, напившись, умер. Долги остались, и даже продал поместье и все драгоценности, их не хватило, чтобы расплатиться. Кредиторы заставили её подписать долговую расписку и продали её вместе с двумя служанками.

Благодаря её грамотности и утончённым манерам её и заметили в поместье маркиза Динъюань. С тех пор она жила во дворе Хэнчжи, а куда продали её служанок, было неизвестно.

— И больше не упоминайте об этом, — добавил он, желая сохранить достоинство Си Чжи. Он повертел в руках мешочек, восхищаясь тонкой работой, и медленно протянул его Фу Тун.

Фу Тун была недовольна, но она всегда слушалась господина. Она решительно кивнула.

— Надеюсь, она оценит доброту господина.

Жун Цунцзинь усмехнулся. Какая уж тут доброта. Си Чжи была из знатной семьи, и оказаться в таком положении было для неё ударом. Она была сама не своя. Он лишь хотел, чтобы ей было немного легче.

— Господин, вы поранились? — Фу Тун заметила красную царапину на плече Жун Цунцзиня и, осторожно отодвинув воротник, ахнула. — Ох, да тут целая ссадина!

На белоснежной коже, от шеи вниз, алела полоса, словно на снегу расцвели красные цветы сливы.

Кожа Жун Цунцзиня была такой белой, что любая царапина казалась особенно заметной.

Едва Фу Тун коснулась его воротника, Жун Цунцзинь поморщился.

— С-с-с.

Би Тао тут же принесла мазь из снежной жабы. Смочив ткань в тёплой воде, она протёрла рану и начала осторожно наносить лекарство.

— Это императрица вас наказала? — с тревогой спросила Фу Тун.

— Нет, — ответил Жун Цунцзинь. Ветки калины были жёсткими, и он, должно быть, оцарапался, когда упал. Тогда он не заметил, а сейчас, когда увидел Гу Чжао, был так счастлив, что и вовсе забыл о боли. Вернувшись во двор Хэнчжи, он наконец обратил внимание на царапину.

Но оно того стоило.

Пока они разговаривали, вошла радостная служанка.

— Молодой господин, прибыли дары из дворца. Маркиз просит вас в главный зал Цзялэ для благодарности.

<http://bllate.org/book/13698/1582024>